

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА» МОСКВА НОЯБРЬ 1932 г.

КРОКОДИЛ

Этот номер «Крокодила» выходит в 3 изданиях:

основное, московское и урало-сибирское.

Цена 25 коп.

№ 33

На выборах в Германии коммунисты собрали 6,000,000 голосов.

М. Черемных

„ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ“

СОЦИАЛ-ФАШИСТ:—В первый раз слышу, чтобы этот призрак был таким многоголосым!

ЕСТЬ ЛИ В СССР БЕЗРАБОТИЦА

О КАЗЫВАЕТСЯ, есть. Безработные ютятся здесь в дебрях. Так называются в Москве многие учреждения (?). Есть столь непроходимые дебри, что до сих пор не исследованы и даже не имеют названия. Просто одни инициалы, например, АБ — ВЦС (*Швейк впадает в обычную для него ошибку. Б. С.*). Я посетил несколько учреждений-дебрей и видел там безработных, не занятых никакой полезной деятельностью.

— Откровенно говоря, — объяснил мне секретарь, — у нас процентов двадцать всех служащих груши околачивают.

Если принять во внимание кратковременность грушевого сезона, то положение этих двадцати процентов надо признать незавидным.

Безработные, как мне рассказал подробно секретарь, получают два раза в месяц денежное пособие или, как здесь говорят, жалованье. Больше того, они состоят в соединенных штатах и пользуются всеми правами наравне со служащими, выполняющими продуктивную работу.

Ежедневно безработные являюся в учреждение, к которому они прикреплены, и скрываются в его дебрях до 4 часов дня.

В дебрях безработные собираются компаниями для чаепитий («совещания») и ходят по другим учреждениям с визитами («совместительство»).

Посещение безработными своих учреждений вошло в привычку. Учреждение для них — тот же клуб. Здесь они обедают, отдыхают от

семейных дразг, встречаются с какими-то „предметами“, узнают новости: кого отдали под суд и кого бог миловал (?!).

Всю массу своего свободного времени безработные проводят в спорте, играх и забавах.

Значительная часть безработных занята развитием языковой мускулатуры и носит часто титул трепачей (*бедный Швейк, он все перепутал. Б. С.*). Особенно туго приходится от трепачей презренным работягам (ломовая лошадь). Работяги погрязли в постоянной работе и не имеют возможности развить языковую мускулатуру.

Трепачи и выносливы, но, между прочим, методического развития всех учрежденческих сил (по-русски — склока) не выдерживают.

Остальная часть безработных, не обладающая талантами языкомощных трепачей, называется баластом.

Своей неблагодарной ролью баласт, однако, тяготится.

— Позавидуешь людям, — говорила мне молоденькая безработная, — все делают нужное дело, создают... а я несчастная — инструктор массовой работы (*Швейк что-то путает. Б. С.*). Я бы в деревне ребят учила или счетоводила в колхозе, а тут, пожалте, — одна видимость.

Надежды на ликвидацию описанной безработицы москвичи возлагают на какого-то былинного богатыря Хозрасчета (?!).

Время от времени над безработными производится хирургическая операция: нето кесарево сечение, нето сокращение, но благодаря закону о сохранении канцелярской энергии число безработных не уменьшается, а иногда даже увеличивается.

Особенно опасна операция сокращения безработных, мало-мальски знакомых с грамотой. Они немедленно вонзаются в какие-либо простодушные организации и начинают издавать „Голоса“ и „Вестники“.

Причины существования безработных бывают довольно разнообразными. Главная из них — любовь к бросанию денег на ветер. Этот старый славянский обычай хотя сейчас и преследуется, но недостаточно энергично. Некоторые из начальников учреждений любят потихоньку открывать в кабинете форточку и выкидывать пачки червонцев на улицу.

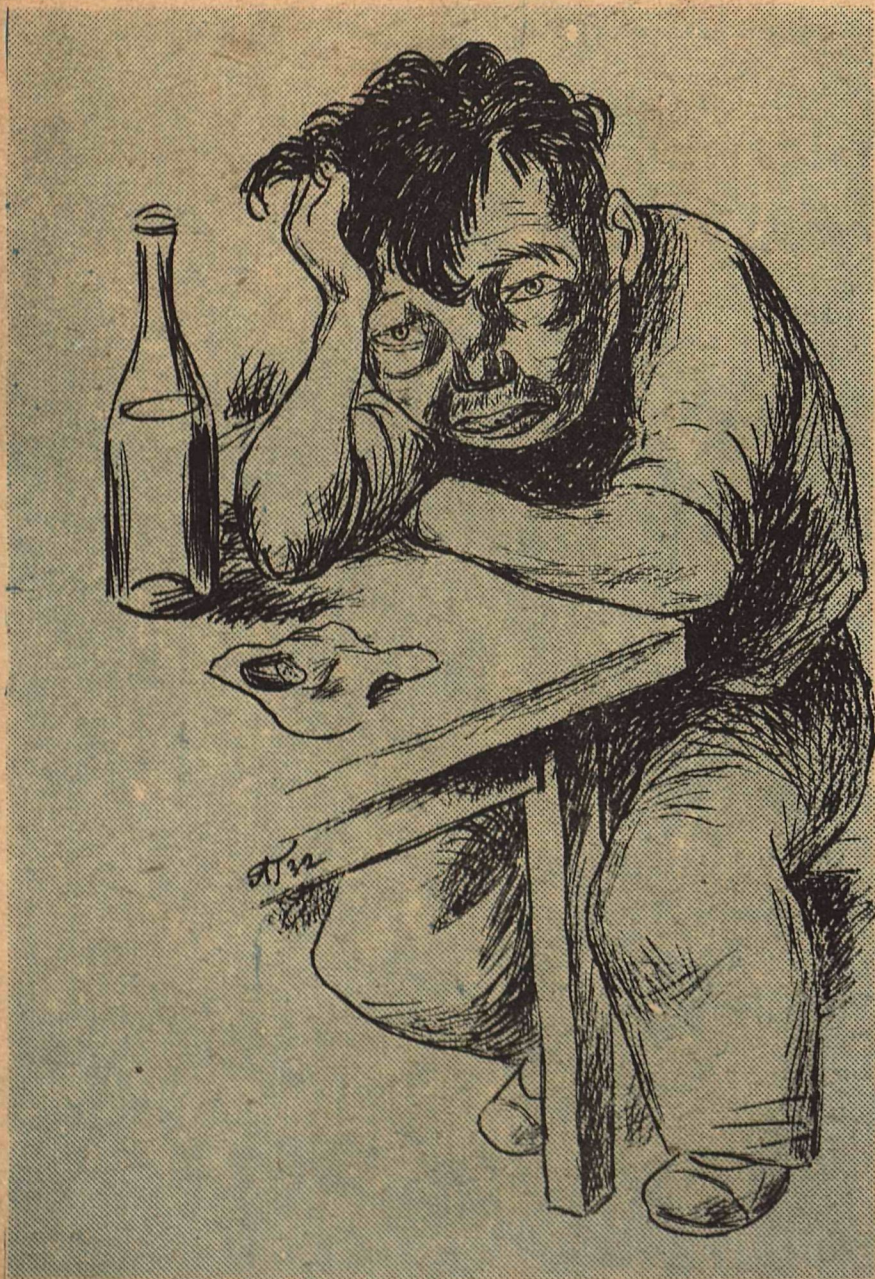
В общем на вопрос: есть ли в СССР безработица, надо ответить утвердительно.

Я заверяю — почти в любом учреждении, среди людей, занятых кипучей и полезной деятельностью, болтаются процентов двадцать совершенно безработных бедняг, головы коих опущены под тяжестью печальных дум, почему таких людей и называют иногда лоботрясами (?).

С чешского перевел Б. Самсонов.

НОВЫЙ ГАМЛЕТ

Л. Генч

ИЗ БЛОК-НОТА

Ненкий примиренец скорбно жаловался на строгости и зажим:

— За пустячную грамматическую ошибку меня исключают из партии!

На вопрос же, в чем состояла ошибка его, ответил:

— В одной букве. Меня послали на хлебоготовку содействовать успеху горячей КАМПАНИИ, я же посодействовал успеху теплой КОМПАНИИ.

Из сего заключаю, что партийцу надлежит следить не только за орфографией, но и за социальным термометром.

★

Про одного работника выразились, что „звезд с неба он не хватает“.

— И хорошо делаю, — ответил тот, — ибо они не мои. Мне чужого не надо!

После чего тотчас же нахватал себе и ближним продуктов из распределителя, коим заведывал.

★

Крепкий головоотяп, прочитав, что отныне работники предприятий и учреждений подлежат увольнению за один день прогула, лишь усмехнулся. Будучи же спрошен о мотивах усмешки, сказал:

— Это что!.. Меня обыкновенно увольняют за один день работы!

Отсюда, однако, нельзя еще умозаключить, что не все равны перед законом.

Никита Крышкин.

УДАРНИК И ПРОГУЛЬЩИК

УДАРНИК: — Я за тебя ведь делаю задание

За что же нам — равное питание?

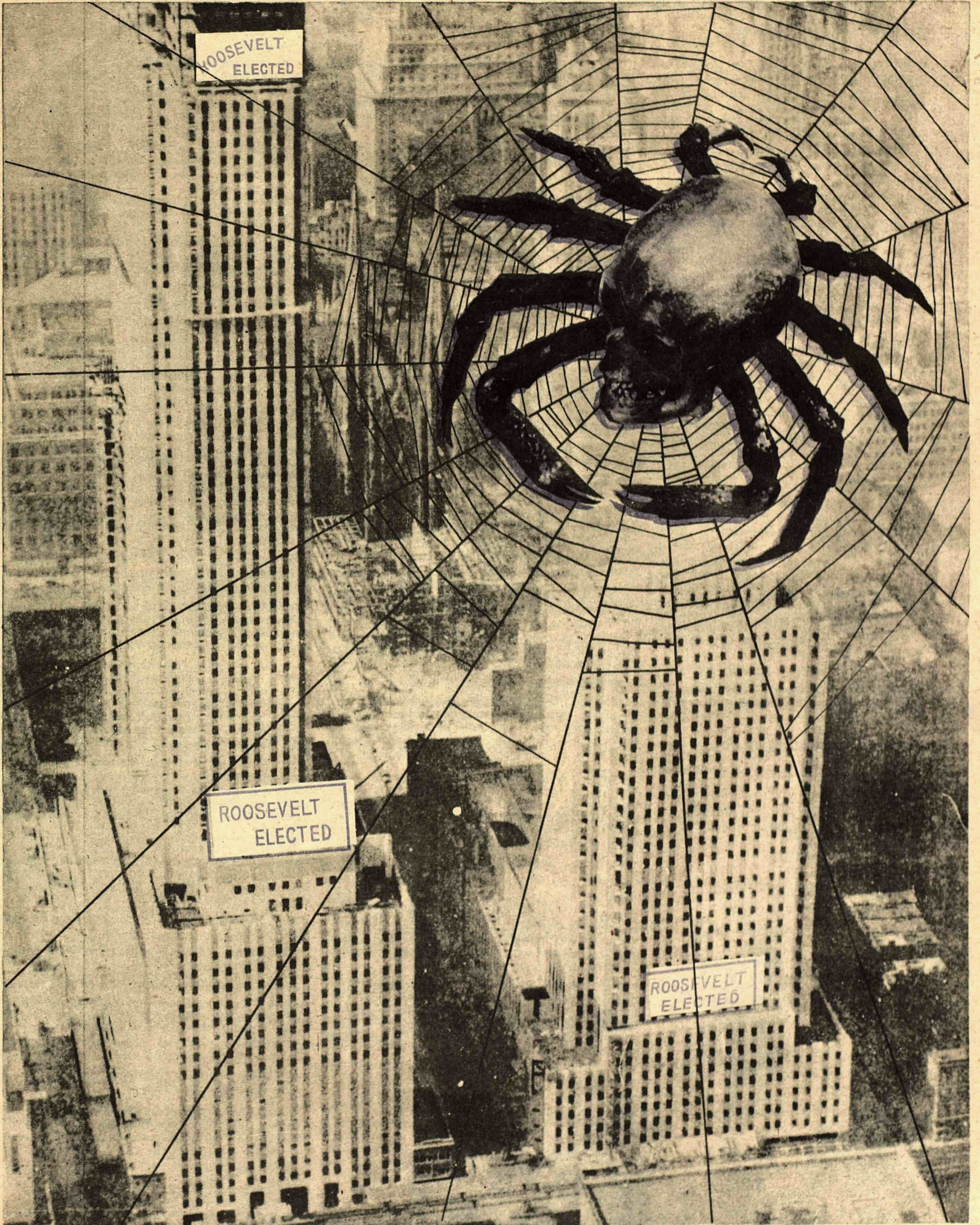
ПРОГУЛЬЩИК: — Оно и правильно, — я так считаю:

Ты трудишься за двух, а я за двух гуляю...

Ольсен.

АМЕРИКАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Фотокариатура Б. Клинча

ПРЕЗИДЕНТЫ МЕНЯЮТСЯ, — КРИЗИС ОСТАЕТСЯ!

Ночной смычок

Рассказ Вас. Лебедева-Кумача

Иллюстрации Л. Генча

— БАРИН, на резвой-то! Пожа, по-ж-жал! Пичугин назвал адрес и совсем было занес ногу на подножку пролетки, но вдруг поглядел на небо, задумался, глубоко вздохнул и, махнув рукой, пошел пешком, провозжаемый градом извозчичьих насмешек.

— Э-эх! Его барином зовут, а у него в кармане—блоха на аркане, а в другом, погляди,— таракан на цепи!

Это было неправдой. В пичугинском кармане пузырился плотный бумажник, приятно отдувая полу пиджака. Только вчера была полчка, а кроме того, сегодня Пичугин много выиграл в карты. Пешком же он пошел, вопреки извозчичьим догадкам, исключительно из возвышенных соображений, — благодаря чувствительности к приятной погоде.

Действительно, ночь была такая тихая и теплая, что пройти пешком каких-нибудь четыре-пять кварталов после душной, накуренной комнаты было только удовольствием. А Пичугин никогда удовольствиями не пренебрегал, ибо был человеком полнокровным и жизнелюбивым, на службе устроился прочно и получал оклад, которому многие завидовали. Приятели ценили его, родственники уважали, и все вообще называли его милым и интересным человеком. Три года беспрерывно он заседал в учрежденческой Эр-ка-ка, однажды был членом товарищеского суда и казался сам себе человеком передовым и общественно активным. Он был вполне уверен, что идет в ногу с эпохой и способствует наступлению социализма, если не больше, то и не меньше других. Все это давало Пичугину спокойствие, бодрость и аппетит.

Так дошел он до своего Рябцева переулочка и уже подходил к воротам своего дома, как вдруг откуда-то сбоку к нему зашепшала фигура: молодая крестьянская баба с узлом за плечами. Должно быть, давно стояла она тут и вдоволь натерпелась темноты и тишины переулочной, потому что бросилась к Пичугину, как к родному, как к земляку.

— Милый, вы не здешние будете?

Пичугин сначала оторопел, потом улыбнулся на слово „нездешний“ и ответил весело:

— Здешний! А что?

Сразу уттаяв в пичугинской улыбке, оживши от его уверенного, бодрого голоса, баба заговорила громко, быстро и радостно, с захлебом:

— Родненький мой! Заплуталась я... Цельный день! И никого тут не знаю. И страшно-то мне и смерзлась вся... Гляди-кось, вон и пальцы не ходют! Что же мне делать теперь, а? Уж я так обрадовалась, хоть человека-то увидела!..

— Да ты погоди! Ты что, ищешь, что ли, кого? К родным, что ли, приехала? Найти не можешь?

— К родным, милый, к родным! Не могу найти! Обыскалась!

И Пичугину было приятно, что вот он сразу угадал, что нужно бабе и зачем она приехала. А баба сразу уверовала в Пичугина и в то, что он, именно он, все знает и обязательно ей поможет. Пичугин почувствовал эту уверенность, и ему действительно захотелось помочь бабе.

— Адрес-то у тебя есть?

— Есть, милый, есть, как же не быть! Тетку я ищу, к тетке приехала, Прасковья звать...

И откуда-то из самого нутра нагольного тулупа баба вытащила скомканную бумажку и протянула ее Пичугину.

— Уж вы посмотрите, — шептала она, сразу почтительно переходя на „вы“, — может, тут не так что написано. Люди-то мы малограмотные... Может, чего и напутали...

Пичугин расправил записку и подошел к домовому фонарю:

— Рябцев переулочек... Это и есть Рябцев переулочек, тот самый, который тебе нужен. А сейчас мы с тобой найдем дом тридцать семь! Идем-ка, я тебе покажу.

И покровительственно улынувшись бабе, он зашагал вперед.

— Ты что, в первый раз, что ли, в городе-то?

— То-то и горе, что в первый раз! И никого тут не знаю. Уж и натерпелась я, ох, натерпелась! Батюшки вы мои...

— И давно ты ищешь?

— Милый! Почитай, с самого с вечера, как только с машины слезла. На вокзале-то я все тетку ждала, — хотела она меня встретить, да так и не встрела. Видно, разминулись. И пошла я одна по записке. Господи, твоя воля!

— Ты что ж, всю дорогу пешком и шла?

— А как же? Я в машину-то, в нее и влезть боюсь. Иду, а народ все такой навстречу сердитый, самостоятельный, бегут все, торопятся, как будто им и жизни всего-то один день осталось. И все только пальцами тычут.

— Та-ак... Натерпелась, значит?

— Уж куда ж больше... С непривычки-то.

И баба устало запрятала прядку волос под платок и, облегченно вздохнувши, улынувшись Пичугину по-детски робко и доверчиво, как бы давая ему понять этой улыбкой, что уж теперь-то все ее страдания кончились, раз он, Пичугин, принял в ней участие.

И в этой бабьей улыбке Пичугин нашел, наконец, ту самую изюминку, которой ему недоставало для полного самоудовлетворения. Точно вбил кто-то последний гвоздик в здание его внутреннего уюта и посадил на крышу конька.

Он представил себе мысленно как бы лестницу культуры, где он стоит на одной из самых высоких ступеней, а баба, идущая рядом с ним, копошится где-то внизу. И вот он сверху спускается к ней и протягивает ей руку помощи...

Переулочек был длинный, и Пичугину было приятно разговаривать с бабой. Он вообще любил разговаривать с извозчиками, печниками и молочницами, считая, что таким образом он входит в курс деревенских дел и осуществляет своеобразную персональную смычку с деревней.

И почти, как каждый городской человек при встрече с крестьянином, он задавал бабе обычные, всегдашние вопросы:

— Как нынче с урожаем?

— Большая ли семья?

— Давно ли в колхозе?

И не слушая ее ответов и не вдумываясь в них, говорил:

— Так, так... Понимаю. Ну, а как у вас с этим... с зерновыми культурами?

У под'езда дома № 37 Пичугин вынул из кармана мелочь и нажал кнопку звонка. Мертвый слепой под'езд засветился и ожил. Показался заспанный швейцар в наспех накинутах пальто, из-под которого видны были розовые исподние. Со вздохом открылась дверь, — и сейчас же в швейцарову руку был пущен „на-чай“. Этот жест помог швейцару проснуться, и с изумлением уставился на Пичугина, который продолжал стоять на улице и медлил входить в под'езд.

— Видите ли, товарищ! Нам нужно квартиру четырнадцать. Вы простите, что я вас так поздно беспокою, но вот гражданка...

Швейцар перевел взор с Пичугина на бабу, протер глаза — и вдруг рассердился. Не обращая больше никакого внимания на Пичугина, он выскочил за дверь и набросился на бабу.

— Вот серость деревенская! Ведь объяснял я тебе, два раза объяснял, что нет у нас в доме четырнадцатого номера. Какого же ты чорта людей беспокоишь? Ты что думаешь, я не человек, да? Мне и спать не надо? Смотри, еще раз придешь, — я в милицию отправлю, истинный господь, отправлю! Так и знай!

И только тут, обернувшись к Пичугину, швейцар посмотрел на него с молчаливым презрением и жалостью, покачал головой и быстро исчез за дверью. Лязгнув замок, щелкнул выключатель, и под'езд снова стал мертвым и слепым.

Пичугин почувствовал минутную злобу к швейцару и к бабе, и так как швейцар исчез, — злоба к бабе удвоилась. Но, закурился папиросу, он успокоился и нашел, что во всем происшествии есть даже смешное.

— Как же это ты так? Ты, оказывается, уж была тут?

— Да. Два раза... — прошептала баба испуганно и виновато.

— Так почему же ты мне ничего не сказала?

— А я думала, может, это он мне не хочет говорить, потому деревенские мы, малограмотные... А вам, глядишь, и скажет. Уж вы простите меня, дуру серую! Намаюсь я, истрадалась...

И темные бабины ресницы заморгали, и в голосе послышались слезы.

— Ну, ладно, ладно! Не вздумай еще тут хныкать. Знаешь пословицу, — город слезам не верит.

— Ох, и вправду, знать, не верит.

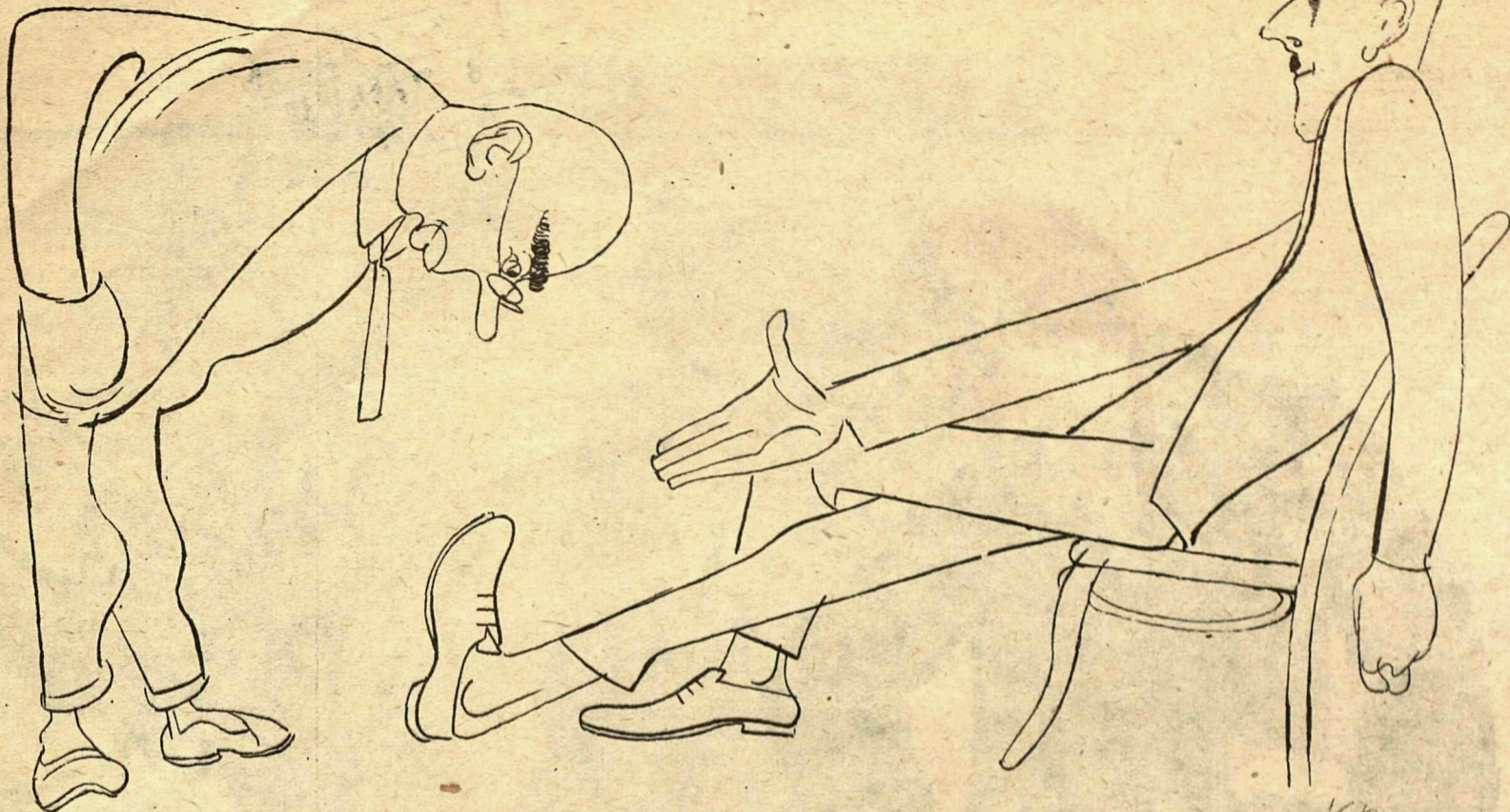
— Ну, то-то!

И Пичугин снова почувствовал себя большим и взрослым культурным человеком, а бабу — маленькой, по-детски беспомощной дикаркой.

И вновь ему захотелось помочь бабе. Но теперь уже это желание не было таким приятным: оно шло уже не столько от сердца, сколько от ума. Пичугин почувствовал, как в сладкую приятность примешалась некоторая

К. Р.

ПРЕДМЕСТКОМА: — Год назад мы вам выдали ордер, а ботинки у вас, как новые!
— Не удивительно: ведь ботинки я получил только вчера.

горечь обязанности. Он кашлянул и перестал улыбаться.

— Гм... Да! Вот история! Что же нам теперь делать?

Пичугин невольно произнес это «нам», потому что незаметно для него самого с момента встречи его судьба связалась с судьбой бабы. Пусть на какой-то малюсенький промежуток времени, но он перестал быть просто Пичугиным, перестал быть только «я», а стал «мы».

— Что же нам теперь делать? Может быть, тут какая-нибудь ошибка. Может быть, не квартира четырнадцать, а дом четырнадцать... а квартира тридцать семь... Постой, постой! Ну, конечно! Видишь, — тут в записке сказано: на правой руке. А дом четырнадцать как раз и будет направо, если идти от начала переулочка. Пойдем!

Баба, не проронивши ни слова, молча двинулась за Пичугиным. На этот раз и сам Пичугин молчал. И только около самого дома № 14 он строго обернулся к бабе:

— Ну, сюда-то ты, по крайней мере, ни разу не стучалась?

— Нет, барин... — чуть слышно прошептала баба, впервые называя так Пичугина...

В подъезде дома № 14 снова разыгралась сцена, очень похожая на сцену у дома № 37. Разница была только в том, что на этот раз вышел не швейцар, а швейцариха, которая не только не ругала бабу, но даже повздыхала и посочувствовала ей. Зато на Пичугина она бросила взгляд неприязненный и явно подозрительный. Но он даже не обратил на это внимания, потому что его волновало другое: в доме № 14 не было квартиры № 37, так же, как и в доме № 37 не было квартиры № 14.

И когда захлопнулась дверь за участливой швейцарихой, Пичугин сразу вдруг почувствовал, что он устал, что уже поздно и давным-давно пора спать и что ему определенно неприятно смотреть на рядом стоящую бабу.

Туман начинал знобить, забираясь под пальто, тепло в желудке исчезло. В одной из калош хлюпало, и казалось, что через ногу течет вся уличная сырость, наполняя гадливой дрожью тело. Пичугин нервничал и покусывал губы, собираясь сказать бабе, что он сделал все, что мог, и что больше сделать он не в силах. Но что-то удерживало его на месте. Он стоял и молчал.

Молчала и баба. И вдруг, не выдержав этого колючего молчания, чувствуя, что рушится ее последняя надежда, последняя соломинка в этом море холодных домов, улиц и машин, —

она заревела тонко и пискливо, по-детски растирая кулаками слезы.

И Пичугин снова не выдержал. В третий раз ему захотелось помочь бабе, но теперь уже безо всякого удовольствия, безо всякой благородной мысли, — захотелось помочь так, как хочется поскорей снять тесную обувь или вытащить занозу из пальца.

«Чорт ее знает, что с ней делать! Ревет, как зарезанная! Пустить ее переночевать домой? Нельзя! Жена истерику закатит. В четвертом часу ночи приводить в дом какую-то бабу... Действительно, глупо! Да и не объяснишь жене... Спросонок нивесть что подумает... С другой стороны, оставлять эту бабу неприятно. Переулочек безлюдный, могут что угодно сделать. Пройдут хулиганы какие-нибудь и... раскаивайся потом!»

Пичугин кашлянул, потер лоб и закурил папиросу.

«Тыфу! И надо же было мне напороться на нее. Почему я не взял извозчика? Почему именно я должен теперь как-то думать о ней, устраивать ее... Да ну ее ко всем чертям! Что мог, я сделал! А больше не могу и... не хочу! Да! Не хо-чу!»

Так уговаривал он сам себя и не уходил. А баба рыдала все громче и громче.

И вдруг в предутренней тишине весело и залиристо застрекотал милицейский свисток.

Пичугин прислушался и внезапно ожил и расцвел.

«Боже мой, какой же я дурак! Ка-к-кой же я идиот! И как я сразу не догадался поручить ее милиционеру. Чего же проще, чего же лучше. Переночует она в милиции, а утром... утром уж там знают, что с ней делать. Они, так сказать, для этого и существуют.»

И, обернувшись к бабе, он сказал строго и внушительно:

— Брось реветы! Слышишь? Это тебе не деревня! Пойдем, я доведу тебя до милиционера, а он уж там все тебе устроит. Ну? Глухая ты, что ли?

Баба тихо и послушно поплелась за Пичугиным, все время всхлипывая.

А Пичугин шел и чувствовал, как вновь теплеет у него в желудке и становится легко на душе.

«Как хорошо, что существует милиция», — подумал он, и улыбка вернулась на его пухлые, мягкие губы.

ПОПОЛАМ С КРЫЛОВЫМ

СКВОРЕЦ

Оставьте классиков в покое!
У всякого талант есть свой,
Талант свое возьмет... с лихвой
(Иначе говоря, прихватит и чужое).

Скворец издал тетрадь рулад
На старый соловьиный лад.
И что же в результате?
Все говорят о плагиате:
Мол, не писал, — списал скворец.

Писатель! Будь мудрец.
Ты на Бальзаке с'ел собаку?
Собака не твоя, — верни ее Бальзаку!

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Колхозник гнал гусей на городской базар,
А гуси — прибыльный товар.
Он тут же их продал по сколько-то
с полтиной, —
Я цену в точности припомнить
не берусь.

А перекупщик (ну, и гусы!)
Перепродал их часом позже
В пять раз дороже.
Мне в данном случае не дорога
мораль,
Но... гуси дороги. А жалы!

М. Храпковский

АРХИВ
8 - ДЕК 1932
Г. И. П.

ЗАКРОЙЩИКИ ИЗ РАПП:— Мы шили по мерке, но мы не виноваты, что наша литература так быстро растет..

6 ГОЛОС ИЗ ОРГКОМИТЕТА:— О, как раз в ЭТОМ вас никто и не винит.

ГРИМАСЫ БЕЗРАБОТИЦЫ

— Ну что, есть надежда?

— Куда там! Тут столько профессоров ищут работы. А у меня ведь только среднее образование.

ДИАЛЕКТИКА

Я ГОВОРИЛ умно: все люди от горилл,
И гении умрут наравне с дураками,
Ухаживал за ней и громко говорил
И четырьмя жестикулировал руками.
Да! Четырьмя! Своими и ее,
Как видите, не я, а вы впросак попали.
Я говорил, что смерть, что наше бытие
У неослепшего сознания в опале.
Я вновь подогревал остывшие слова,
Что в смерти все равны — армяне и зыряне.
Я говорил: позор, что наша голова
Под лысину уже назначена заранее.
Я говорил: позор! Невыносимо ждать,
Покуда смерть моя не соизволит вспомнить,
Что М. Д. Вольпина пора к рукам прибрать.
В тот самый день, когда не нужно умирать,

Она придет ко мне. Она придет на зло мне!
Я шопотом орал: Сергей Есенин прав,
И в „Бесах“ трижды прав бунтующий Кириллов.
Вы — самодурка, смерть. Я тоже — своенрав.
И я вам докажу, петлею смерть поправ,
Что самодурство своенравь перехитрило!
.....
Я говорил умно и безусловно дельно.
И девушку мою (а Леля не из плакс)
Растрогал до того, что с бедной в понедельник
Пришлось итти в домком, а из домкома — в загс.
У нас родился сын. Уже глядит со смыслом,
Но судя по делам, неизмеримо глуп.
Он пахнет няней, сном, пеленками и кислым,
А на животике — родимое и пуп.

Михаил Вольпин.

ОТ ВЕЛИКОГО
ДО СМЕШНОГО
(Басня с моралью)

ПРИНЕС редактору писатель сочиненье
И услышал такое мнение:
„Конечно, вы талант по стилю и уму,
И ценим мы ваш слог необычайно бойкий,
Но мы-то заняты сейчас великой стройкой
И нам смеяться ни к чему!“
Писатель согласился,
И хоть не удивился,
Но удалился!

Пришел он через год опять.
Принес листов штук двадцать пять
И слышит,
Что он опять не дело пишет:
„Все это — скука, сонь и ерунда,
Ведь мы участники необычайной
стройки,
Должны мы быть и веселы и бойки.
Нам нужен смех, как воздух, как
вода!“

Конечно, басня без морали куда,
Она одна

Не может быть иной:
Лишь был бы лозунг дан очередной,
А перегибщики найдутся!

Аргю.

Л. Г.

— Что, вашею-то сократили?
— Пустяки, это только с одной службы, на четырех
в других он ведь еще остался.

КАДР „ВООБЩЕ“

КО МНЕ явился мой давнишний, но случайный знакомый, Петр Колыбелькин.

— Не узнаешь? — спросил он. — Узнал? Ну вот и отлично. А я, брат, с Сердобском распрощаться решил. В Москву вот приехал. Что ж, думаю, какой же смысл прозябать в медвежьем углу, когда Москва остро нуждается в кадрах? А? Как ты думаешь?

— Да что ж... Москва, — она, действительно... — сказал я.

— Вот и я говорю. Кроме того, здесь и масштабы другие. Где, где, а в Москве-то уж можно поработать!

Я согласился:

— Поработать можно. Многие этим занимаются. А ты, кстати, на какой на работе?

— Я-то? Ни на какой я пока не на работе, — сказал Петр Колыбелькин.

— Ищешь?

— Как тебе сказать? Нынче ведь не человек ищет работы, а работа — человека. А тем более, — парень я с головой. Такие нужны, небось..

— Это верно, — подтвердил я, — которые без головы, на тех меньше спросу..

— Вот и я говорю. А к тебе я, собственно, посоветоваться пришел. Человек ты московский, состоишь в завах, связи у тебя, знакомства... Наверно знаешь, где сейчас нужны кадры?

Я подумал и обрадовался:

— Представь себе, знаю на твое счастье! Вчера слышал: требуются инструкторы по племенному кролиководству. Хочешь?

— Вона!.. — разочарованно сказал Колыбелькин. — Представления не имею о кролиководстве.

— Жаль.. Тогда вот что: вон тому учреждению, что наискоски от нашего, — видишь? — нужны чертежники-конструкторы.

— Это специальность? — спросил Колыбелькин.

— Специальность.

— Не моя она. Ты мне попроще что-нибудь назови, не двухэтажное!

— Сейчас подумаю. Стой, — да вот недалеко ходить: наш бухгалтер перелетает на другое место. Желает в бухгалтеры?

— Так я же не бухгалтер, — сказал Колыбелькин. — Для меня что диабет, что диатет — один чорт! Столько же смыслу в бухгалтерии, сколько и в медицине!

— Ну, уж не знаю тогда..

— Не знаю, что тут и знать-то! — обиделся Колыбелькин. — По твоему, что ж: для Петра Колыбелькина и дела в Москве не найдется? Для Колыбелькина? Для Петра?! Чепуха! Тем более парень я башковатый. Таких людей, скажу я тебе, с руками должны отрывать на работу!

— Без рук неудобно, конечно. А с руками... Поймай, да вот тебе одна из дефицитных профессий: фрезеровщики. Вот где кадры-то нужны! И обязательно, чтоб с руками.

— Не умею я этого, — хмуро пробормотал Колыбелькин. — И.. и вообще, не понимаю я, что это за бюрократический подход к приятелю! Если человек не фрезеровщик, то для него и работы уж нету? Безработица, значит, у вас в Москве?

Я популярно и доказательно разъяснил ему, что о безработице не может быть и речи. Из-за недостатка кадров широко практикуется совместительство. Сплошь и рядом на работе заняты не только отцы семейства, но и жены и свояченицы, а если есть тетки, то и тетки. Есть спрос даже на самый неквалифицированный труд: захочется Колыбелькину поступить в чернорабочие, — немедленно возьмут Колыбелькина чернорабочим.

Но Колыбелькин сказал:

— Для черной работы я по слабости здоровья не подхожу. Да и смешно было бы... при моей-то квалификации!

— А какая у тебя квалификация?

— Ну... вообще! Ведь квалифицированный же я человек!

— Тогда вот что, Колыбелькин: сейчас я вызову нашего зав. кадрами. Великий спец по части спроса и предложения рабсилы. Получишь все сведения.

Позвали зав. кадрами. Мы с Колыбелькиным объяснили ему, в чем дело. Зав. благодушно улыбнулся:

— Что ж тут... Выбор огромный. Снимем со счета, как вы изволили указать, потребность в инструкторах по кролиководству, бухгалтерях, чертежниках-конструкторах и фрезеровщиках. Остается нуждаемость: в инженерах-электриках, инженерах-химиках, просто химиках, парикмахерах, токарях по металлу, электромонтерах и т. д. и т. д.

Перечислял он долго: двадцать две минуты без передышки, а на двадцать третьей задохнулся, посинел и скончался от паралича дыхания.

— Мир праху! — истово вздохнул Колыбелькин. — Но только зря погиб уважаемый товарищ: никакие эти должности для меня не подходят. Не умею я этого ничего!

— Хм... Вот что разве тогда, — предложил я, — на его место, зав. кадрами?..

— Да ведь это дело знать надо? — спросил Колыбелькин.

— Надо знать.

— Ну, а я ж не знаю! И.. и довольно уж над приятелем измываться! Сам, небось, не в фрезеровщики идешь и не в геологи, а заведешь каким-то ненужным учреждением!

Я встал и сухо сказал:

— К сожалению, Колыбелькин, должности заведующих все замещены. Ты мог бы, конечно, занять мое место, но..

— А что ж? — оживился Колыбелькин. — Думаешь, не справился бы?.. Ты, брат, за меня не бойся: парень, брат, я мозговитый!

Я закончил:

—... но тогда мне пришлось бы слоняться без дела. Потому что квалификация у меня такая же, как и у тебя: «вообще». Так что уж не прогневайся, брат Колыбелькин. Всего хорошего, Колыбелькин! Пока!

По дошедшим до меня сведениям Колыбелькин все-таки устроился в Москве. Кажется, театральным рецензентом.

Грамен.

ПЕРЕКЛИЧКА НА ОБЕЗЛИЧКЕ

Первый голос раздался с коксовых печей:

— И что это делается, пес же его знает! Течет рабочая сила-то! Зарплата организована по-новому, а состав постоянным не делается.

— Подумаешь! — ответил механический цех. — У нас слесарь третьего разряда вырабатывает в месяц двести рублей, а токарь — всего восемьдесят! А ты говоришь!

— Удивили тоже! У нас, на коксовых печах сменный инженер получает триста пятьдесят, а слесарь — триста шестьдесят! Вот и утрись со своими токарями!

— А у нас три токаря шестого разряда ушли!

— А у нас среди люковых рабочих вообще проходной двор: люковой получает по третьему разряду, а дверовые — по четвертому! Вот люковые и бегут!

— А у нас еще четыре токаря заявления об уходе подали!

— А у нас мотористы рампы получают столько же, сколько подборщики кокса!

— А у нас самый высококвалифицированный токарь тов. Микунов всего сто рублей в месяц может работать, пока не уйдет!

— А у нас...

— Довольно трепаться! — положительно сообщил доменный цех. — У нас еще наполовину сдельщина не введена, и то молчим, не хвастаемся. Уже не говоря о мелочах: восемь месяцев мыла не видим!

— Позвольте, товарищи! А мы — собаки? — спросил литейный цех. — У нас тоже весело: постановили душ устроить, заводоуправление разрешило, смету дали, а вот начальник цеха, тов. Шишкин, — тот против. „Затопит, — говорит, — ваш душ весь цех к свиньячим псам, а кто отвечать будет?“

И неизвестный, наконец, голос неторопливо спросил:

— Товарищ „Крокодил“, слышишь?

В. П.

Магнитогорск.

М. Рабинович

— Почему это в клубе белье стирают?

— А у нас объявили декадник чистоты!

„БОГАДЕЛЬНЯ ИМ. СОЮЗТРАНСА“

Свердловскую контору Союзтранса по постановлению ОблКК РКИ решено было разлучить с неким „ответственно-безответственным“ Дубовым. Треугольник усиленно заседал по „дубовому“ вопросу, изыскивая, куда бы пристроить этого дельца.

Послали его в Ишим — „налаживать работу“, которую он разладил в Свердловске. Что и как наладил Дубов в Ишиме, — Аллах ведает, а только вновь засияла его звезда на свердловском союзтранснобскомлоне. Треугольник опять хотел было задуматься, к какому созвездию отнести тускнеющее светило, но, видно, эта „звезда“ родилась под счастливой звездой: треугольник не успел подумать, как обком союза местранс вручил Дубову... путевку на курорт.

Уставший от безделья, сияет теперь Дубов на взморье и ядовито улыбается по адресу ОблКК РКИ, треугольника и профсоюза.

Повидимому, Дубов врос, как дуб: несмотря на обилие транспортных средств в Союзтрансе, вывезти это дерево не удастся.

ПО МИШЕНИ

НЕОБУТАЯ РАБОТА

Кунгурский Союзтранс получил 20 пар кожаных сапог, но вместо возчиков, работающих на воздухе во всякую погоду, сапоги получили управляющий конторой, его зять и другие „приближенные“.

Нам истина, понятно, дорога, и мы предвидим вот такой исход: хотя зятек и в сапогах, но далеко работа не уйдет.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ АССОРТИМЕНТ

В ЗРК № 7 на Челябинском тракторном заводе огурцы продают только при условии покупки помидоров.

— Хоть покрасней. — позор смотреть на лавочку такую!..
— С чего же мне, земляк, краснеть: Я зелень торгую!

КТО ВИНОВАТ

Молочно-овощная ферма Новосибирского ЗРК при „Сибкомбайне“.

Крольчатник. Вечер.
Сторож недалече.
В наступающем мраке подступают собаки.
Тройная тень перемахнула плетень.
Сторож винтовку — наизготовку (горяч, как печка!):
Осенка!
Другая!!
Собаки, не лая, продолжают труд: в ударном порядке кроликов кладут.

на обе лопатки.
Потрудились, — смылись...
Зав и замзавы пришли для расправы.
Смотрят тупо: 37 трупов!
Констатируя факт, составили акт.
„Просим о следствии, — безусловно привлечь к ответственности виновных“.
* * *
Кого? Рассейте мрак: себя или собак?

КОЗЛИНАЯ ОПАСНОСТЬ

Ночь на 1 октября в Хабаровском порту была необычно тревожна. В средневековых романах она была бы описана так:

„Ночь покрыла город черным плащом. Завывал ветер. На башне св. Козолупия прибило 12. Черная фигура таинственно отделилась от стен замка“..

В книге дежурного по порту эта ночь описана несколько прозаичнее:

„В 12 час. ночи 30/IX черный козел попал в комнату нач. отд. снабжения, выбил стекло и выскочил на улицу. По телефону передал дежурному по охране выгнать козла из территории порта. Тот отказался с ссылкой, что некто послать. Поставил об этом в известность начальника охраны тов. Баранова, тот также отказался и не принимал никаких мер. Должжено обо всем пом. политчасти командира порта. Дежурный по порту КИМ“.

Несмотря на огромное служебное рвение, дежурный не довел до конца свою работу. Козлы, в особенности черные, чрезвычайно опасны для портовых сооружений.

ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ

ОБЕСПЕЧЕННЫЕ

СВЕРДЛОВСК. Начальник строительной конторы „Союзтранса“ Шатров изобрел новый способ экономии топлива. По его проекту дрова остаются на корню в лесу, а дверки печей наглухо закрываются проволокой. Первые опыты в рабочих бараках „Союзтранса“ дали поразительный эффект: рабочие загорелись негодованием, атмосфера быстро накалилась.

Возбуждено ходатайство о присвоении Шатрову звания заслуженного головоотяпа Уральской области.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЫ

СУ - КАРА (ВОСТ. СИБИРЬ). Будюмканским сельсоветом применен интересный опыт перевода школы на хозрасчет: летом в оставленной и незапертой школе отдыхал от жары скот. „Отдыхающие“ за свой счет покрыли полы мастикой „Помет“, а в рамках устроили отверстия для вентиляции.

С наступлением учебного сезона школу узнать нельзя: просторно так, что даже учеников не видно.

Ураган — Сибирское издание

Влап.

П Е Р Е Л Е Т

БУХГАЛТЕР Курочкин был самым обыкновенным человеком. Он был женат, близорук, в партии не состоял и имел сына пионера. Общественные нагрузки выполнял аккуратно, состоял членом Осоавиахима и был „другом детей“.

Однажды у Курочкина начался обычный трудовой день. Маруся поставила на его стол стакан чаю с конфеткой „Пралине“ и положила газеты. Курочкин прочитал о новых назначениях, кто умер, и не обратил внимания на таблицу выигршей Осоавиахима. А между тем у Курочкина было два билета.

У нас в коллективе выигран перелет Москва—Горький,—раздался чей-то голос,—у меня разница всего на две единицы.

Все застучали ящиками и начали проверять. Курочкин, подчиняясь общему настроению, достал свой бумажник и вытащил оттуда би-

леты. Сомнений не было, перелет Москва—Горький выиграл он. До этого он никогда не летал и вообще самый вид самолета или даже просто летчика повергал его в трепет. Холодный пот выступил у него на лбу.

«Скрыть и не лететь?! Нельзя. В местоме известны номера билетов. Объявить?» — Курочкин онемел от страха.

Все уже знали, что это он счастливее. Ему пожимали руки, его поздравляли. Предместком сказал краткую речь:

— Товарищи, наш товарищ Курочкин—член Осоавиахима. Он выиграл перелет с сохранением содержания. Это событие нужно превратить в нашем учреждении в праздник советской авиации и приступить к вербовке новых членов Осоавиахима. Все члены Осоавиахима объявляются мобилизованными

и будут провожать товарища Курочкина на аэродром.

Курочкин улыбался, как приговоренный к смерти герой. Его окружило тесное кольцо людей и мрачных обстоятельств. Выхода не было. Когда волнение улеглось и все уселись по местам, он решил спастись свою жизнь. Тихо поднялся Курочкин из-за стола и пошел в местком.

— Товарищ Сидоренко, я не хочу лететь. Мне доктор не рекомендует.

— Ерунда, — ответил председатель, — какие доктора могли знать, что вы выиграете перелет. Это бред. Мы уже сообщили в газету вашу фамилию и телеграфировали в райсовет Осоавиахима. Вы полетите.

— У меня жена, сын пионер. Войдите в положение. Я покупал билеты просто так. Я не могу ле-

теть. У нас в семье это наследственное.

Но Сидоренко не понял Курочкина.

— Пустяки,—сказал он, приветливо улыбаясь.—Я понимаю вашу скромность. Это как раз подходящий случай проявить свою активность.

Курочкин поплелся в ячейку. — Товарищи,—умолял он,—не делайте этого. Пусть лучше какой-нибудь член партии полетит. У меня нет этой большевистской напористости...

— Нельзя так ставить вопрос, товарищ Курочкин,—возразил секретарь ячейки,—каждый советский гражданин, тем более член Осоавиахима, должен овладеть воздушным океаном. У нас и для беспартийных найдется место в воздухе.

Зачем же уступать другим, если вам повезло. Стесняться нечего. Что из этого — беспартийный, вы ведь сознательный гражданин.

Врач в поликлинике нашел его совершенно здоровым, и убитый горем Курочкин двинулся домой. Те же неудачи преследовали его еще три дня перед полетом. В последнюю ночь он метался в бреду. Рано утром он плакал, а сын пионер успокаивал его. Жена молча заворачивала котлеты на дорогу. В семь часов за ним пришла машина с надписью „Аэропорт“, и он полез в нее, как в гроб.

На аэродроме его встретили бодрый Сидоренко и все осоавиахимовцы. Сидоренко опять о чем-то говорил, и Курочкина качали. Потом он увидел самолет. Зловещая машина стояла, увязнув огромными колесами в землю. Серый корпус поблескивал в лучах утреннего солнца. Возле мотора возлились какие-то люди, целиком зашитые в кожу. Пахло бензином и маслом. Кто-то говорил речь. Щелкали затворы фотоаппаратов.

— Улыбайтесь, — крикнули Курочкину,— почему вы стоите, как потерянный?!

Курочкин оскалил желтые зубы. Потом кто-то посадил его, и Курочкин очутился в кабине. Один из кожаных людей проверял билеты.

— Гражданин, — сказал он, — здесь один лишний. У кого-то неправильный билет.

— Это у меня, — закричал Курочкин, — я это три дня тому назад говорил, но мне не верили.

Человек в коже долго рассматривал его билет.

— Наверное, серия не та, — волновался Курочкин, — это сразу видно, не говоря уже о номере. Номер тоже сомнительный.

— Как будто все верно, — сказал летчик.

— Я буду жаловаться. Это формализм. Так нельзя относиться к пассажирам! — Курочкин бешено цеплялся за жизнь.

Пока они спорили, машину куда-то покатали.

— Ну что ж,—решил кожаный,— выходите, коли так. Там выясним.

Когда Курочкин вылезал, бешено ревел пропеллер. Поток воздуха Курочкина отбросило в сторону. Машина рванулась вперед и через несколько мгновений поднялась.

Курочкин с трудом догнал толпу, покидавшую аэродром. Впереди он узнал высокую фигуру Сидоренко. Несли плакат: „Каждый гражданин должен овладеть воздушным океаном“. Но Курочкину было не до этого.

Избавившись от опасности, он стал мелочным и с сожалением вспомнил, что забыл в самолете котлеты.

Я. Бельский.

А. Топиков

ПАПА ОТЧИТЫВАЕТСЯ

— Куда это мои очки запропастились?

— А их, наверно, папа взял. Он сказал маме, что сегодня будет втирать кому-то очки.

В Женеве расстреляна рабочая демонстрация.

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Металл, конечно, нужен стране. И хорошие работники тоже нужны. Но, увы, если лома у нас в достатке, то в хороших работниках, как на зло, большой дефицит. В результате происходят такие курьезы.

Зам. управляющего конторой Металлома (Арбат, 4) тов. Блюмкин грозит всеми мерами судебной расправы фабрике „Пионер“, если она не сдаст 70 тонн черного металла.

Фабрика резонно возражает:

„Все наши станки весят 105 тонн, каковые если бы вы и хотели превратить в лом, то хватило бы их только на полтора года. Лимит Металлома на 1932 г. мы можем выполнить не более, как на полтонны“.

Однако перепалка не прекращается и до сих пор.

Эй, товарищи из Металлома, довольно дурака ломать!

ВРАЧУ — ИСЦЕЛИСЯ САМ...

Давно ли издано постановление правительства об увольнении за прогулы, а между тем уже нашлись люди, дающие прогульщикам широкое поле деятельности. И не как-нибудь, а на законном основании, с запиской врача, за подписью и печатью. Во всяком случае, врач Вешинского района, Сев.-кав. края, Пискунов не скупится на такие „справки“:

„У больного Алпатова Ивана, по его словам, наблюдаются приступы малярии. И если такие приступы есть, то его освободите на три дня.“

Пискунов“.

Нужно ли освобождать Алпатова, это еще вопрос. А вот то, что нужно освободить самого Пискунова, — это совершенно очевидно!

ВЕРБЛЮЖЬЯ ХВАТКА

— Растут ли на Северном полюсе кокосовые орехи, а если нет, то почему?

Такого вопроса, кажись, еще не было даже в самой головотяпской анкете. Но будет. Во всяком случае, транспортный отдел Южносибирского комбината ЦМЗ (Восточная Сибирь) уже подбирается к нему.

По всем приискам он разослал категорическое требование заполнять анкету о гужевом транспорте с графами: „количество рабочих волов и верблюдов“, хотя ясно знает, что ни одного вола и верблюда нет, так как в сибирском холоде они не водятся.

— Пустяки! — решили головотяпы. — Мы и климат переменить можем. От одной нашей анкеты сразу всех из холода в жар бросит.

ЭХ, ЛАПТИ МОИ...

Заставь хорошесть человека богу молиться, — он лоб разобьет.

Тов. Фуфаев целиком оправдал эту поговорку

ЗРК завода „Двигатель революции“ (Горьковский край), обслуживающий 10.000 рабочих, еще в июне командировал тов. Пуресова в районы на заготовку продуктов. Командированный пробыл в районах 5 месяцев и не заготовил ни одного грамма. Наконец, он шлет телеграмму зав. торговым отделом ЗРК тов. Фуфаеву:

„Заготовить ничего нельзя. Можно закупить партию лаптей. Телеграфируйте“.

Конечно же Фуфаев благословил эту сделку. И получил вагон лаптей.

Логика Фуфаева очень проста: Если самозаготовки проворонили, придется хоть „лаптем щи хлебать“!

Ю. Узбяков (кружковец „Крокодила“)

СОЦ.-ДЕМОКРАТ: — Говорили горы, новые условия. Наши методы всюду хороши!..

М О Я К А Р Ь Е Р А

Недавно я увидел в газете такое объявление:

**НУЖЕН
ОПЫТНЫЙ КРОЛИКОВОД**

Объявление повторялось пять дней подряд, а на шестой было напечатано на видном месте самыми крупными буквами.

Это свидетельствовало, что опытные кролиководы в большой цене, и запас их исчерпан до дна. Тогда я решил предложить объявителю свои услуги.

По специальности я музыкант и в оркестре при кинематографе довольно недурно играю на барабане. Не стану скрывать, что в последнее время барабан мне опротивел по следующим причинам.

Мой сослуживец флейтист Дудкин при помощи друзей и родственников прекрасно устроился на вагоностроительном заводе в качестве рационализатора. Сейчас он кушает спецпайки и получает спецставку.

Скажу прямо, мне стало завидно глядеть на успехи друзей и родственников, прекрасно устроившихся на вагоностроительном заводе в качестве рационализатора. Сейчас он кушает спецпайки и получает спецставку.

Одна из его книжечек называется:

**„75 БЛЮД ИЗ МЯСА
КРОЛИКА“**

С этой книгой я храбро пошел по адресу, указанному в объявлении.

Меня приняли вне очереди. Я без предисловий выложил на стол „75 блюд“. Этот ход оказался верным. Прощай, барабан! Я перецеголял флейтиста Дудкина.

Теперь я — ученый специалист. На моем попечении 7 тысяч кроликов. Ежедневно вверенные мне кролики издыхают большими партиями, но это не моя вина. Я только что приступил к работе и принимаю дела от своего предшественника. Его устранили от кроликов как злостного летуна. Он прекрасный телеграфист, примазался к кроликам через свояченицу по тем же мотивам, что и я.

Я не сомневаюсь, что и меня разглядят и меня также прогонят. Но я знаю нравы наших учреждений. Это случится не раньше, чем через полгода-год. А пока что я отдыхаю от барабана. Вчера я подписал договор с издательством. Там узнали через моих сослуживцев о книжке моего дяди, которую переиздают. Полученные в виде аванса червонцы хрустят в моем кармане. Книжка будет называться „200 блюд из мяса кролика“. Количество кроличьих блюд увеличено мною по желанию издательства. Не все ли мне равно?.. На литературу о кроликах большой спрос. И все кролиководы перегружены работой.

Одно меня смущает. Я совершенно незнаком с кроличьим хозяйством. Книжек на эту тему нет даже у букинистов — распроданы.

Но на-днях я познакомился с другим кролиководом — руководителем кролиководства в одном из крупных учреждений.

Сегодня я посетил его квартиру, чтобы испросить у него совета и указаний.

В коридоре его квартиры меня встретила дама, приличная во всех отношениях.

— Вам кого?

Я назвал фамилию. Она крикнула в соседнюю комнату:

— Отец Исая, вас спрашивают.

В коридор вышел мой коллега. Он был в подряснике и страшно сконфузился. Очевидно, я его застал врасплох.

Мне сразу стала понятна его растерянность, и я поспешно вышел из его квартиры. Теперь я знаю, в каких случаях ломаются вагоны и отчего дохнут кролики...

Ив. Майоров.

РАЗГОВОРЧИКИ

ПОКУПАТЕЛЬ: — В этой книге не хватает половины страниц!

БУКИНИСТ: — Я же говорил вам, что это сокращенное издание.

— Пала, что такое вичебная тайна?
— А это, должно быть, когда доктор свои доходы от фининспектора скрывает...

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“. АДР. РЕД.: Москва, ул. Горького, 8. Телефон 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, А. Митницкий.

Зав. редакцией И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 1004

Сдача текста и рисунков — 13 XI

Подпись к печати — 17 XI

Статформат А4— 10—297 Печатных листов 2 1/2. Колич. знаков 100.000

Уполномоч. Главлита № В—19243.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“. Москва, Сушевск. вал, 49.

Зак. № 2918

Тираж 400.000 экз.

Л. Генц

44423

АРХИВ
8 - ДЕК 1932
Г. Ц. А. П.

Л. Генц 32

ТУРНЕ ПО ЕВРОПЕ

ИНОСТРАНЕЦ-ТУРИСТ: — Ну, теперь я спокоен. Здесь так же тихо, как у меня на родине...